

О НЕКОТОРЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ ИЗУЧЕНИЯ МЕТАКОГНИЦИЙ В ПСИХОЛОГИИ¹

Е.Ю. Савин, КГПУ им. К.Э.Циолковского

Понятие о метакогнициях как особой разновидности познавательных процессов появилось в психологии около 30 лет назад. Первоначально этот термин был предложен Дж.Флейвеллом и относился только лишь к одному из познавательных процессов – памяти. Однако впоследствии разработанные в этой области методологические принципы и методические приемы изучения были распространены и на познание в целом (хотя, отметим, метапамять остается одним из процессов, наиболее изученных в рамках этого направления). Наряду с безусловным прогрессом в этой области исследования есть и определенные проблемы как теоретического, так и методического характера. Цель нашей статьи – наметить эти проблемы и указать некоторые возможные способы их разрешения в той перспективе, которую задает онтологическая теория интеллекта (Холодная, 2002).

Согласно представлениям, высказанным еще Дж.Флейвеллом и впоследствии поддержанным другими исследователями, в метакогнициях как познавательных структурах, которые в широком смысле связаны с различными формами управления своей собственной познавательной активностью, можно выделить два аспекта: знание о собственном знании, и управление собственным процессом познания. У разных авторов эти два аспекта получали разные наименования и содержательно раскрывались разными способами, но их разделение достаточно устойчиво проводится практически у всех (McCormick, 2003). Между тем, за этим разделением скрывается очень важная проблема: эти два аспекта метакогниций не просто представляют собой разные компоненты данного (метаконитивного) единого феномена, но изучаются в рамках существенно различных по своим основаниям теоретических подходов. К. МакКормик отмечает, что значительная часть работ, посвященных рефлексивной составляющей метакогниций (знанию о знании), связана с исследованиями познавательного развития в русле теории Пиаже (в том числе и работы Флейвелла), а аспект, связанный с метакогнитивной регуляцией проводится в рамках информационного подхода к познанию. Названные подходы с трудом совместимы между собой (McCormick, 2003, p.80). Добавим к этому, что отечественные исследования метакогниций, которые

¹ Психология когнитивных процессов: Материалы 2-й Всероссийской научно-практической конференции / Под ред. Егорова А.Г., Селиванова В.В.– Смоленск: Универсум, 2008. С.150-153.

стали активно проводиться с начала 90-х годов, еще более размывают методологическую базу этого направления, предлагая иные, например, деятельностные интерпретации метакогниций. Само по себе наличие разных парадигм в изучении метакогниций не является непреодолимым препятствием для их изучения: важно четко понимать, что для любого исследовательского начинания в этой области необходима внятная рефлексия методологических и теоретических оснований. Это особенно важно в тех случаях, когда на уровне эмпирических исследований используются методы, которые по своему происхождению связаны с совершенно определенными теоретическими построениями.

Так, одной из распространенных исследовательских процедур в изучении метакогниций, является процедура сопоставления некоторых предсказаний субъекта относительно его возможных успехов в определенной познавательной деятельности, с объективно измеряемыми результатами этой деятельности. Наиболее хорошо эта процедура работает в области исследования метапамяти, особенно, в аспекте ее возрастного развития. Например, С.Иуссен и В.Леви предлагали испытуемым оценить свои возможности по удержанию в памяти образов – картинок и сравнивали их прогнозы с реальным воспроизведением. Эксперимент был проделан с испытуемыми трех возрастных групп: четырех, восьми и двадцати лет. Из полученных данных следует, что маленькие дети очень мало знают о возможностях своей памяти и переоценивают ее. Характерно, что свои неудачи они объясняли не характеристиками собственной памяти, а свойствами материала, считая, что если бы им дали другие картинки, то они запомнили бы их лучше (Шартье, Лоарер, 1997). При интерпретации подобных результатов надо четко представлять себе, что примененная процедура исследования явно соотносится с пиажеанской традицией изучения метакогниций, для которой характерно подчеркивание ключевой роли, которую играет знание о собственном знании и особенностях собственной познавательной деятельности в развитии метакогниций. Иными словами, знание о собственном знании само выступает как важнейший регулятор познания, и в этом смысле бессмысленно говорить о какой-либо иной метакогнитивной регуляции.

В рамках других подходов, напротив, подчеркивается ограниченность осознания процесса и результатов собственного познания как универсального регулятора познавательных процессов и отмечается, что в ряде случаев эта регуляция осуществляется посредством других – «субсознательных» – механизмов. Например, в рамках известных исследований, проведенных в парадигме «имплицитного научения» Д.Бродбентом и Д.Берри, испытуемые должны были управлять компьютерной моделью сахарной фабрики (т.е. осуществлять метакогнитивный контроль) и давать словесный отчет о принципах работы

этой фабрики (т.е. проявлять некоторое знание о своем собственном знании). Одним из важных итогов этого эксперимента стало то, что не существовало прямой зависимости между успешностью управления «фабрикой» и осознанием принципов ее работы (Андерсон, 2002). Таким образом, это указывает на различие в путях и способах формирования рефлексивного и регулятивного аспектов метакогниций, а также, возможно, на приоритетность второго из этих аспектов по отношению к первому.

В контексте разработанного М.А. Холодной (2002) и развиваемого в том числе и нами онтологического подхода к интеллекту, сделана попытка объединить указанные подходы. В составе метакогнитивного опыта выделяются как минимум четыре типа различных структур: 1) произвольный интеллектуальный контроль, который составляют психические механизмы, отвечающие за оперативную регуляцию переработки информации на субсознательном уровне, действие которых проявляется в стратегиях распределения и фокусирования внимания, способности к неявному научению, возможности сдерживать неэффективные способы интеллектуального реагирования; 2) произвольный интеллектуальный контроль, связанный с сознательным регулированием собственной интеллектуальной активности; 3) метакогнитивная осведомленность, включающая представления о своих индивидуальных интеллектуальных ресурсах, сильных и слабых сторонах своего ума; 4) открытая познавательная позиция, представляющая особый тип познавательного отношения к миру, включающий вариативность способов осмысления действительности, восприимчивость по отношению к необычным, парадоксальным ситуациям, способность конструировать и мысленно моделировать разные варианты развития событий.

Из этого перечня становится ясно, что указанные формы метакогнитивного опыта являются «методологически неоднородными»: первая из составляющих в качестве своего источника имеет прежде всего когнитивную психологию, и по всей видимости соотносится с тем, что обозначается в ее рамках как исполнительный контроль (executive control). Произвольный интеллектуальный контроль во многом соотносим с отечественными исследованиями в области рефлексии и целеполагания. Метакогнитивная осведомленность и отчасти открытая познавательная позиция соотносима с пиажеанской традицией в области психологии развития. Таким образом, насущной задачей в рамках этого подхода является поиск некоторого единого методологического основания, которое могло бы послужить в качестве общего знаменателя для объединения этих подходов в рамках единого исследовательского поля.

На наш взгляд, эвристичным для решения названной задачи является сопоставление характеристик метакогниций с некоторыми

характеристиками внимания, названными в свое время П.Я. Гальпериним (1958). Как известно, он отмечал, что одна из сложностей в изучении внимания, вообще говоря, состоит в том, что оно нигде не выступает как самостоятельный процесс, а скорее является некоторой стороной других психических процессов, определяя их качество, характер протекания. Мы полагаем, что эта характеристика может быть отнесена и к метакогнициям и во многом именно с ней связана известная «неуловимость» их проявлений. В самом деле, метапамять, к примеру, не является особым типом или видом памяти, а скорее определяет некоторое качество мнемических процессов (например, адекватность интроспективных представлений о возможностях памяти, как это было в описанных выше опытах С.Иуссена и В.Леви); точно так же и метапроцедуры мышления не представляют собой какой-то особой разновидности мышления или даже его особого компонента. Это качество мыслительного процесса, состоящее, например, в том, как выбирается то или иное мыслимое содержание, как направляется мыслительный поиск и как оценивается его результат. Таким образом, главная исследовательская стратегия в изучении метакогниций состоит в выявлении тех «узловых» точек – областей проявления – в которых организующее и управляющее действие метакогнитивных структур на процесс познания наиболее заметно. Отсюда следует, что изучать метакогниции можно, в общем-то, по отношению к любому уровню познавательных процессов, по отношению к любому типу познавательной активности (так же, как и интеллект, частью которого они являются). Разумеется, пока мы далеки от представления о полном перечне вышеназванных «узловых» точек (да и вообще, вряд ли подобный исчерпывающий перечень вообще необходим). Но общая исследовательская установка в изучении метакогниций должна ориентировать в каждом конкретном случае на выявление таких эмпирических показателей, которые были бы чувствительны к различиям в качестве и характере протекания определенных познавательных процессов. Именно эти показатели и являются показателями метакогнитивных структур.

Приведем в качестве иллюстрации как общее изложенное понимание подхода к исследованию метакогниций отражается на уровне конкретных методических подходов в интерпретации некоторых дополнительных показателей методик когнитивных стилей как референтов сформированности структур метакогнитивного опыта. В когнитивных стилях «представлены характеристики и когнитивного и метакогнитивного опыта, которые могут быть разведены при помощи использования основных (традиционных) и дополнительных показателей» (Холодная, 2002, с.154). Так, например, успешность выполнения теста Уиткина в виде скорости нахождения простой фигуры в сложной характеризует степень

артикулированности перцептивных схем, но рассчитывая степень прироста этой скорости от первой фигуры к последней, можно получить дополнительный показатель имплицитной обучаемости (характеристику, относящуюся к непроизвольному интеллектуальному контролю). Таким образом, действие метакогний в данном случае проявляется в своеобразном качестве перцептивного процесса: в возможности человека изменять его характеристики под влиянием требования задачи.

Разумеется, мы далеки от мысли, что метакогнитивные процессы, эмпирически определяемые как некоторая сторона других психических процессов, лишены какой бы то ни было самостоятельной сущности. Метакогнитивные структуры столь же реальны, как и когнитивные, но область их проявления такова, что их эмпирически наблюдаемая «работа» может быть обнаружена только в изучении других аспектов познавательной активности.

Литература

1. Андерсон Дж. Когнитивная психология. СПб.: Питер, 2002.
2. Гальперин П.Я. К проблеме внимания // Доклады АПН РСФСР. 1958. №3.
3. Полякова Е.В. Метакогнитивный опыт как фактор интеллектуальной компетентности в области научно-исследовательской деятельности // Психология способностей: современное состояние и перспективы исследований. М.: ИП РАН, 2005. С. 223-228.
4. Холодная М.А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. 2 изд. СПб.: Питер, 2002.
5. Шартье Д., Лоарер Э. Обучение и перенос когнитивных и метакогнитивных стратегий // Когнитивное обучение: современное состояние и перспективы / Под ред. Т.Галкиной, Э.Лоарера. М.: ИП РАН, 1997. С. 201-217.
6. McCormick C.B. Metacognition and learning // Handbook of psychology /Ed. E.B.Weiner. V.7. Educational psychology/ Ed. W.M.Reynolds, G.E.Miller. N.Y.: Wiley, 2003. P.79-102.